

Утром небо было ясным, как и положено в конце апреля, солнце палило так, будто могло высушить человека до гла. Но в какой-то момент небо внезапно затянулось. Плотные тучи нависли над Восточной столицей, в них мелькали молнии, гремел гром, а в воздухе копилась густая, тяжёлая влага.

Вокруг резко стало сыро. Дождь ещё не начался, но воздух уже был полон его запахом. Тело мгновенно покрылось липким, влажным потом, словно тончайшая плёнка, не пропускавшая ни единой струйки ветра.

И всё же было жарко — душным, влажным жаром. Будто меня заперли в только что использованной пароварке. Тёплые капли воды то и дело падали сверху, и если бы они действительно попадали на кожу, это принесло бы облегчение: вода смыла бы хоть часть этого жирного пота. Но капли словно обходили меня стороной, становясь всё меньше, пока не превращались в невидимый пар, который снова поднимался вверх, чтобы сгуститься в капли. Я не знала, когда этот цикл прервётся. Я пыталась поймать капли, но они ускользали. Я думала: отойду — и они наконец упадут на меня. Но стоило подбежать, как эти бесчисленные капли вдруг исчезали.

Исчезла не только вода — пропала и сама Восточная столица. Мир обратился в огромную, унылую пустошь, в ровную, безжизненную, но при этом промозгло сырую равнину.

Нигде не было видно воды, и я не понимала, откуда взялась эта влага. Но вскоре послышалось журчание. Вглядевшись в сторону восхода, я увидела реку, что с невероятной скоростью приближалась.

Цвет её поначалу напоминал янтарное вино, которое я пила днём, — желтоватый, мутный. Но по мере приближения вода стала ярко-алой. В солнечных лучах эта кровавая река медленно растекалась по земле, и зрелище было необъяснимо жутким. Что хуже — река, что текла на запад, внезапно повернула и устремилась прямо на меня. Алые волны обрушились, словно ливень, и в миг, когда они почти коснулись меня, пейзаж снова переменялся.

Теперь я уже понимала, что нахожусь во сне, но сон был слишком странен. Только что я была на пустынной равнине, а теперь оказалась в тропическом ущелье. Вдалеке шумела вода, будто где-то низвергался водопад.

С любопытством я пошла на звук, обогнула густые, облиственные заросли и выбралась из джунглей. Передо мной вздымались две горы, почти одинаковые по высоте и размеру. На них не росло деревьев, лишь кое-где пробивалась редкая трава. На вершинах виднелись острые выступы, похожие на сталактиты. Я никогда не видела таких прозрачных и гладких камней. От солнца они отливали полупрозрачным розовато-красным цветом и окружены были мягким сиянием, похожим на лунное. Камни, прежде казавшиеся просто красивыми, теперь походили на священные реликвии, обладающие собственной волей. А я — словно избранный воин, призванный ими, — невольно стала карабкаться вверх, миновала низкое, сырое ущелье, взобралась на тёплые, податливые склоны и коснулась одного из священных камней. И проснулась.

Вэй Хуань спала рядом глубоким сном. Моя рука, как водится, лежала на её теле — на одном из тех мест, что природа даровала женщинам, что отличают их от мужчин, девочек от девушек. Я чувствовала себя в какой-то нереальности: всё вокруг казалось и настоящим, и ненастоящим одновременно. Голова была пуста — я пыталась что-то извлечь из памяти, но там не было ничего: ни воспоминаний, ни мыслей, ни чувств. Но когда я оглядывалась, голова, напротив, казалась переполненной — настолько, что в ней не оставалось места даже для Вэй

Хуань.

Я механически повернула голову. Она действительно повернулась, но само движение ощущалось нереально, будто его совершила не я.

Служанка Сяньсянь, дежурившая у ложа, заметила моё движение и тут же поднялась, чтобы спросить, как я. Я молча помахала ей рукой, медленно поднялась, перешагнула через Вэй Хуань и подошла к зеркалу.

В моих покоях стояло большое зеркало в половину человеческого роста — подарок отца на моё десятилетие. Раньше, глядя в него, я видела себя совсем крошкой, и отражение вмещало меня целиком, без единого упущения.

Но теперь зеркало словно уменьшилось. Мне пришлось отойти подальше, чтобы едва уместиться в нём. Отражение было чужим: глаза, нос, рот — всё знакомо в отдельности, но вместе они складывались в лицо другого человека.

Одежда Вэй Хуань была в порядке, а моя растрепалась. Когда я встала, ткань сползла, обнажив большую часть тела от плеч до груди. Я откинула волосы назад и посмотрела на своё полуобнажённое тело. Оно изменилось так, что я сама его не узнавала. Ниже ключиц появились заметные выпуклости. Кожа, всегда бледная, теперь отливала лёгким румянцем. Живот почти не изменился, но пупок стал выраженным, словно древняя пещера на плоской поверхности. А ниже уже пробились мягкие, тонкие волоски, как у детёныша зверя.

На юбке расплылось большое пятно, будто от пролитого виноградного вина, но пахло оно не вином — запах был свежий, солоноватый.

Ноги стали гораздо длиннее, чем в прошлом году. Они уже не были тощими, как жерди, и начали обретать форму. Стопы были узкими и длинными — даже слишком. Ногти на пальцах ног — в самый раз, но такими светлыми, что, если не присмотреться, казалось, их нет, одна кожа. Но если присмотреться — видно, что это не кожа, а ногти.

Я тупо смотрела на своё отражение. И эта тупость, преломлённая зеркалом, обернулась той самой изнеженной ленью, что так свойственна двору эпохи Тан. Я всё больше походила на матушку, когда та смотрела на людей по утрам полузакрытыми глазами. Черты, унаследованные от отца, стусевались, а материнские, напротив, выступили вперёд. Словно её гены были так сильны, что даже в облике детей она стремилась одержать верх над отцом.

Плоть и кровь.

Мне вспомнились эти слова. Давным-давно я где-то читала: «Этим летом некто обнаружил свою плоть и кровь». Тогда я не понимала смысла, но теперь, вновь взрослея из ребёнка в девушку, вдруг постигла красоту этой фразы. Ясное, постепенное превращение, знаменующее становление моего тела. Конечно, у меня ещё не было округлых форм, но грудная клетка уже обрела изящные очертания, подобные едва распустившемуся цветку. Моё сердце, возможно, и не было крепким, но уже училось нести на себе вес целого человека. Руки и ноги были длинными и тонкими, пока ещё слабыми, но, если прилежно упражняться, однажды они станут сильными и ловкими. Детство ушло безвозвратно, подобно чистому голосу Ли Жуя, и, подобно вину из зелёной сливы, никогда уже не вернётся на ветвь.

— Госпожа Пэй пришла, — доложила служанка у двери.

Цуй Мин-дэ, уже собравшаяся сделать ход, замерла на мгновение. Её длинные пальцы крепко

сжали чёрный камень, заставив его повернуться в воздухе, прежде чем он опустился на доску.

— Не принимать, — холодно ответила она.

И, как и ожидалось, Дугу Шао уже приподняла бамбуковую занавеску и вошла. Переступив порог, она вздрогнула и тут же протянула руку к служанке Цуй Мин-дэ, словно прося одежду. Но служанки лишь опустили руки, делая вид, что ничего не замечают.

— Твои люди такие же скучные, как и ты, — проворчала Дугу Шао.

Сама она подобрала с лежанки коричневую накидку Цуй Мин-дэ, накинула на плечи и уселась напротив, развалившись. Взглянув на доску, она ткнула пальцем в один из углов:

— Здесь?

Цуй Мин-дэ бросила на неё взгляд:

— Говори быстрее.

Дугу Шао усмехнулась:

— А если мне нечего сказать?

<http://bllate.org/book/16278/1466455>